

ЕДИНЫЙ ДЕНЬ ГОЛОСОВАНИЯ 2014 ГОДА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

К.А. Антонов

Центр исследования публичной
политики и государственного
управления СИУ РАНХиГИС
при Президенте РФ, Новосибирск
101tv@mail.ru

Губернаторские выборы 14 сентября 2014 года еще предстоит всесторонне проанализировать. Автор включил в анализ такие переменные, как явка избирателей, муниципальный фильтр, федеральный общественно-политический контекст, «дилемма лидерства» и «консенсус элит», формирование и бытование партийной системы. Явка избирателей является значимым индикатором их реакции на сложившийся электоральный дизайн. Попытки объяснения мотивов поведения избирателей и результатов голосования также нуждаются во всестороннем анализе, рамки которого традиционно задаются тремя теоретическими направлениями исследований электорального поведения: социологическим, социально-психологическим и рационально-инструментальным. Синтез этих и других подходов, способный элиминировать их недостатки, устранить противоречия между «универсальным» и «специфическим», является адекватной на сегодняшний день теоретико-методологической матрицей. Фактически первый опыт формирования партийных коалиций на прошедших выборах губернаторов также нуждается в осмыслении. В основе подобного коалиционного консенсуса оказывается не сходство смежных идеологических позиций, а институциональные условия современной российской политической системы, где доминирующими оказываются не идеологические размежевания, а корпоративно-бюрократические факторы. Другая новация – муниципальный фильтр – ставит перед партиями проблему систематической, повседневной низовой работы, создание плотной сети своих представительств, мобилизацию сторонников. Несмотря на выявленные проблемы прошедшей электоральной кампании, можно утверждать, что Россия, при всех выявленных противоречиях, сделала еще один шаг на пути совершенствования демократических процедур.

Ключевые слова: единый день голосования, явка избирателей, муниципальный фильтр, партийные коалиции, консенсус элит, электоральные кампании.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-30-38

В электоральной биографии России губернаторские выборы 14 сентября 2014 года – важный эпизод, который еще предстоит всесторонне проанализировать. Интеллектуальной беллетристике политических аналитиков необходимо противопоставить понятную эпистемологию политического, что является совсем непростым делом, поскольку остается дискуссионной проблема баланса между «универсальным»,

с большим набором идеалтипических концепций, и «специфическим», с заимствованием из «иностранных» теорий и некритической экстраполяцией теоретических концептов на нашу грешную землю. Впрочем, к этой дихотомии в последнее время прибавилась еще одна эпистемологическая проблема – социогенные изменения субъекта, влияющие на его политическую социализацию. Субъектность сетевых сооб-

шеств существенно переформатирует технологии электоральной борьбы, формирует специфические типы солидарности. Одновременно увеличивается сложность анализа и прогнозирования политических предпочтений [6], что ставит перед исследователями совершенно новые теоретико-методологические проблемы.

Первые интерпретации итогов сентябрьского голосования 2014 года породили в интеллектуальной среде две объяснительные концепции. В одной процессы демократизации и федерализации в России рассматриваются как имеющие «исключительно российскую» специфику, отдельный случай, не верифицируемый парадигмальными теоретико-методологическими рамками. В другой утверждается, что для объяснения российской реальности вполне релевантны объяснительные концепции транзитивного, переходного общества, и, следовательно, результаты выборов подтверждают тезис об инклюзивной гегемонии и клиентелизме, политическом контроле как доминирующем типе институтов.

Для большей аккуратности первичного анализа, думается, необходимо включить в анализ такие переменные, как явка избирателей, муниципальный фильтр, федеральный общественно-политический контекст, «дилемма лидерства» и «консенсус элит», формирование и бытование партийной системы.

Согласно информации ЦИК России, на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации средняя явка составила 46,25 %. Регионом-лидером оказался Башкортостан – 75 % избирателей, в Калмыкии проголосовало около 65 %, в Самарской области более 62 % избирателей. Тем не менее в большинстве регионов по сравнению с предыдущими выбора-

ми региональных глав явка заметно снизилась. В таких регионах, как, например, Самарская область, Санкт-Петербург, республика Коми, где был отмечен рост явки, он коррелирует с количеством досрочно проголосовавших. В Санкт-Петербурге, например, таковых оказалось 23,9 %, в республике Коми – 15,7 %, что позволяет делать вывод об использовании административного ресурса. Активное досрочное голосование (здесь и далее процент от числа проголосовавших) применялось в Брянской области (17,1 %), Алтайском крае (16,3 %), Приморском крае (15,2 %), Татарстане (15 %). Кроме того, в ряде регионов большое количество избирателей проголосовали на дому – это Ивановская (24,2 %), Псковская (18,2 %), Воронежская (18 %) и Курская (14,5 %) области.

Казалось бы, этот факт, а также аномально высокие результаты некоторых инкумбентов (например, Самарский губернатор Меркушкин набрал 91,3 % голосов) позволяют делать вывод о том, что за прошедшее десятилетие в российской электоральной практике мало что «демократизировалось». В подтверждение этого вывода говорит и тот факт, что выборы в регионах с «сомнительными» процедурами и результатами были признаны состоявшимися, несмотря даже на то, что ЦИК публично выразил свое неудовольствие и решимость провести выборочную проверку. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что подобная практика ряда региональных лидеров была одновременно признана экспертами «либерального» комитета гражданских инициатив [1] и «прокремлевского» фонда развития гражданского общества [5] нарушением конкурентности и делегитимирующим действием. «Цифры забудутся на следующий день, нужна леги-

тимность выборов. Результаты **Сергея Собянина** на выборах мэра Москвы ниже, чем у **Меркушкина** в Самарской области, но они более уверенные», – выразил мнение Кремля руководитель ФОРГО Константин Костин [7].

Фактически К. Костин подтвердил, что установка Кремля на движение в сторону «конкуренции, открытости, легитимности» явилась реальным политическим трендом и осознанным выбором политического руководства страны, чего не смогли понять региональные руководители, использовавшие административный ресурс в ущерб укреплению формальных институтов. К «нарушителям» незамедлительно были применены санкции: ряд губернаторов были показательно «наказаны» снижением своего рейтинга, составляемого ФОРГО.

Анализ итогов голосования показывает, что регионы, участвовавшие в электоральном процессе, можно разделить на три группы по признаку «явки избирателей»:

- регионы со средним электоральным потенциалом и сильной вероятностью административных санкций. Например, те, где электорат был искусственно и принудительно мобилизован с целью повышения явки и обеспечения предпочтений инкумбенту;

- те субъекты РФ, где высокая явка является следствием существующего персоналистского (часто – авторитарного) режима или национальных традиций, наличия плотных социальных сетей, специфической электоральной субкультуры;

- регионы со средним электоральным потенциалом, где реальная конкурентная электоральная политика является следствием инсталляции формальных институтов.

В регионах третьей группы явка избирателей, как правило, ниже, чем в первых

двух. В политических и социальных науках этому феномену нет универсального объяснения, кроме перечисления определенного набора факторов, о степени влияния которых в научной литературе вряд ли когда-нибудь будет достигнут консенсус. Прежде всего, называются следующие факторы:

- сезонный – «неудачный» – день для голосования;

- влияние моноцентризма и харизматической политической культуры, когда явка на персональных выборах выше, чем на выборах представительных органов власти;

- явка выше в случае проведения спаренных выборов, когда создается кумулятивный эффект электоральной мобилизации;

- явка на выборах федеральных органов власти выше, чем на региональных, что отражает иерархию органов власти в массовом сознании;

- «кризис участия» – общая для всех демократических стран тенденция отказа населения по разным причинам от электорального участия;

- оценка избирателем степени конкуренции и открытости на выборах.

Явка избирателей является значимым индикатором их реакции на сложившийся электоральный дизайн. Попытки объяснения мотивов, поведения избирателей и результатов голосования также нуждаются во всестороннем анализе, рамки которого традиционно задаются тремя теоретическими направлениями исследований электорального поведения: социологическим, социально-психологическим и рационально-инструментальным. Синтез этих и других подходов, способный элиминировать их недостатки, устранить противоречия между «универсальным» и

«специфическим», является адекватной на сегодняшний день теоретико-методологической матрицей.

Согласно «теории расколов», прошедшие выборы демонстрируют явные размежевания по линии город–село по результатам явки и голосования. Корреляции обнаруживаются и по оси «четыре России», когда электоральное поведение в мегаполисах резко отличается от моногородов–стотысячников и глубинки. Вместе с тем вряд ли можно с определенностью говорить о существовании устойчивых различий между социальными группами в России, учитывая структурные свойства ее электорального пространства. Еще больше вопросов возникает при оценке роли идеологии в российской электоральной политике. По данным С. Уайта, Р. Роуза и Я. Маккалестера, только 22 % российских граждан, голосующих за ту или иную партию, идентифицируют себя с ней [2, с. 182]. Результаты электоральных исследований фиксируют явное доминирование персональных ресурсов кандидатов над партийными.

Можно с уверенностью предположить, что в сентябре 2014 года на электоральное поведение в большей степени оказали влияние персонализация, моноцентризм, символическое влияние доминирующего актора в лице президента РФ, внешнеполитический контекст. Нужно обратить внимание на показатели поддержки российского президента населением – 87 %, и как раз накануне единого дня голосования [3]. «Феномен Путина» можно рассматривать в контексте следующих детерминант:

- политического режима веберовского типа харизматического господства;
- негативной идентификации (страх перед «внешней» угрозой, ее последствиями для страны, возможной дезинтеграцией) и

временного устранения неопределенности (четкое разделение на «друзей» и «врагов»);

- ретроспективной социальности (Россия возвращает утраченные позиции сильного и самостоятельного государства);
- национальной гражданственно-патриотической идентификации («Отечество в опасности») и синхронизации индивидуальных мотивов, целевых установок и ожиданий с государством как с политической формой отечества.

При этом нельзя впадать в крайность, признав Путина космогоническим демидургом, поскольку в этих 87 % доминировали не только традиция в отношении к центральной власти, укорененная в общественном сознании, и экспрессивно-эмоциональные стимулы, но и рациональные мотивы – «конфликт с Западом» консолидировал российское общество и заставил избирателя отразить выгоды и издержки возможных альтернатив. Понятно, что в условиях признания авторитета доминирующего актора, усиления моноцентризма российской политики остальные акторы политического процесса, легитимизируемые «демиургом» (а это абсолютно все инкубенты) априори получили значительный электоральный бонус.

Интерриоризация глобальной и федеральной повестки свели к минимуму эффект электоральной неустойчивости. Накануне единого дня голосования в регионах была сконструирована «ситуативная солидарность» как результат мобилизации в ситуации неопределенности, что проявилось в динамизации политики и мотивационной составляющей политической жизни. Более 60 % голосов, которые набрали «ставленники власти» на прошедших выборах, являются результатом реализации именно этой предупредительной стратегии

преодоления неопределенности и рискованных действий. Фактически выбор был основан на расчете риска и выборе разумной альтернативы.

Мобилизационная консолидация электората была воспринята политическими акторами как сигнал к достижению согласия и реализации стратегии взаимодействия, при которой достигается идеологическая гомогенность элит в сфере эффективного обмена ресурсами. Конфронтационность и межэлитные расколы, которые всегда придавали динамизм региональной электоральной политике, сменились на временный консенсус и кооперацию элит, что сказало на снижении конфликтности избирательных кампаний, поскольку «электорат может делать выбор в пределах, задаваемых состязанием элит, но не в состоянии выйти за эти рамки» [4, с. 14].

Бесперспективность конкуренции с доминирующим актором, осознание пределов электоральных возможностей системной оппозицией и отсутствие таковых у «новых» партий вынудили их формировать прямые коалиции с «партией власти» или достигать неформальных союзов. Так, например, КПрФ отказалась от борьбы в Новосибирской области ради сохранения позиций «своего» мэра-коммуниста, а в Приморском крае кандидат от ЕР гарантировал в случае своей победы место в Совете Федерации члену партии «Справедливая Россия».

Фактически первый опыт формирования партийных коалиций на прошедших выборах губернаторов также нуждается в осмыслении. С точки зрения классических дедуктивных теорий коалиционного взаимодействия представляется совершенно нелогичным лоялистское поведение КПрФ или «Справедливой России», демонстриру-

ющих, судя по их программным документам, идеологическую несовместимость с ЕР. Если в странах «развитой демократии» смена партиями идеологических установок свидетельствует о значительном кризисе и следует после поражений, то наблюдавшиеся на прошедших выборах коалиционные взаимодействия являют собой российскую специфику. Достижение коалиций в российской политической реальности не приводит к взаимному обмену властным ресурсом, усилению контроля над исполнительной властью. Целью коалиционных соглашений была реализация модели office-seeking (соискание постов), а не vote-seeking (соискание голосов). «Партия власти» таким образом обеспечивала себе беспрепятственное и неконфликтное избрание своего кандидата, а оппозиция – представительство в федеральных властных структурах и продление срока своего существования в политической жизни страны вообще. В основе подобного коалиционного консенсуса оказывается не сходство смежных идеологических позиций, а институциональные условия современной российской политической системы, где доминирующими оказываются не идеологические размежевания, а корпоративно-бюрократические факторы. В этой же логике следует рассматривать и коалицию на прошедших в апреле выборах мэра Новосибирска, которая была сформирована на основе негативной идентификации – против ставленника ЕР, на фоне фрагментации региональных элит. В результате неформальных договоренностей представители коалиции получили в дальнейшем от победителя корпоративные бонусы при распределении постов и ресурсов.

Парламентские оппозиционные партии, несмотря на обеспечение реальной

конкуренции в большинстве регионов (за исключением Нижегородской и Липецкой областей, где «временно исполняющие обязанности» обеспечили себе референдумный сценарий за счет использования административного ресурса, когда реальные оппоненты не были допущены на выборы), не смогли обеспечить победу своим кандидатам и увеличение влияния. Даже достаточно высокий процент набранных ими голосов (как, например, в Новосибирской области) следует рассматривать скорее как результат протестного голосования.

Державные лозунги, запрос на изменения, критика политики «зависимости от Запада» в ущерб развитию собственной экономики как основные составляющие идеологического размежевания оппозиционных партий с политикой «партии власти» перестали быть «визитной карточкой» оппозиции. «Партия власти» перехватила идеологические инвективы оппозиции. Между конкурирующими политическими акторами исчезли фундаментальные программные противоречия, на фоне консолидации произошла идеологическая конвергенция. При этом конкуренция персональных ресурсов претендентов на губернаторские посты была вытеснена на периферию. Не случайно все инкубенты, за исключением главы республики Алтай, получили в два и более раза больше голосов, чем все их оппоненты вместе взятые. Лишь 18 проигравших из 107 получили более 10 % голосов, а 59 – менее 5 %.

Еще одна особенность состоявшихся выборов – процедурные изменения. Впервые были применены муниципальный фильтр и массовое участие в кампаниях «новых» партий, в результате чего в электоральной кампании приняли участие

24 партии. Лишь две из них – «Гражданская инициатива» (республика Алтай) и «Патриоты России» (Красноярский край) – навязали «врио» реальную борьбу. В то же время становится очевидным, что множество миноритарных партий в условиях отсутствия института предвыборных блоков и политических альянсов не в состоянии обеспечить стабильность и демократичность политической системы. С другой стороны, пусть и фрагментарная идеологическая идентификация, и политическая активность могут трансформироваться в создание крупных партий.

Другая новация – муниципальный фильтр – также ставит перед партиями проблему систематической, повседневной низкой работы, создание плотной сети своих представительств, мобилизацию сторонников. При выполнении этих условий, как показывает практика, партия в состоянии легко зарегистрировать своего кандидата, как это сделали «Патриоты России» в Красноярском крае, не прибегая к помощи ЕР. Владимир Петров в республике Алтай, выдвинутый «Гражданской инициативой», сумел собрать голоса муниципальных депутатов от всех представленных в представительных органах власти партий. Несостоявшемуся участнику предвыборной гонки в Новосибирске Ивану Старикову не хватило всего трех голосов муниципальных депутатов. Эти примеры свидетельствуют о том, что муниципальный фильтр вполне преодолим. Учитывая, что Петров и Стариков заручились поддержкой муниципальных депутатов, представляющих весь партийный спектр, можно говорить о степени влияния идеологического фактора.

Несмотря на все издержки применения муниципального фильтра, его роль для формирования политической системы

может быть исключительной в силу ряда причин:

– фильтр является квалификационным механизмом при допуске кандидатов на высший пост исполнительной власти в регионе;

– фильтр является консультационной процедурой, обеспечивающей формирование коалиций, согласование интересов фрагментированных политических акторов;

– фильтр мотивирует политические партии осуществлять партийное строительство, проводить политическую мобилизацию, вести повседневную систематическую деятельность;

– фильтр существенно повышает статус органов местного самоуправления и их представительных органов.

Однако процедуры применения муниципального фильтра, досрочного голосования и голосования вне помещения избирательного участка нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Несмотря на выявленные проблемы прошедшей электоральной кампании, можно утверждать, что Россия, при всех выявленных противоречиях, сделала еще один шаг на пути совершенствования демократических процедур.

Литература

1. *Кулев А.В., Лобарев А.Е., Максимов А.Н.* Результаты избирательной кампании–2014: тенденции и закономерности: аналитический доклад № 5 по долгосрочному наблюдению выборов 14.09.2014 [Электронный ресурс] / Комитет гражданских инициатив. – М.: [б.и.], 2014. – 40 с. – URL: http://www.scribd.com/fullscreen/240918952?access_key=keySHsCR13AyMEcNYOQktgi&al_low_share=true&escape=false&show_recommendations=false&view_mode=scroll (дата обращения: 11.04.2015).
2. *Анохина Н.В., Мележкина Е.Ю.* Итоги голосования и электоральное поведение // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). – М.: Весь мир, 2002. – С. 158–185.
3. Возможные результаты президентских и парламентских выборов: опрос 22–25 августа 2014 г. [Электронный ресурс] // Левада-центр: аналитический центр Юрия Левады: пресс-выпуск. – 2014. – 11 сентября. – URL: <http://www.levada.ru/11-09-2014/vozmozhnyerezultaty-prezidentskikh-i-parlamentskikh-vyborov> (дата обращения: 11.05.2015).
4. *Гельман В.Я.* Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). – М.: Весь мир, 2002. – С. 10–43.
5. *Башлыкова Н., Казаков П.* Губернаторов подвело досрочное голосование // Известия. – 2014. – 24 сентября.
6. *Калмыков А.А.* Эпистемология политики – когнитивы всех стран, соединяйтесь! // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: материалы Международной научной конференции, 23–24 апреля 2009 г. – М.: РГГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 16–25.
7. *Жуков В.* После того, как губернатор перестанет метаться и пойдет на выборы – проблемы региона закончатся: прогноз от главного трендсеттера Кремля [Электронный ресурс] // URA.ru: российское информационное агентство: служба новостей: web-сайт. – 2014. – 25 сентября. – URL: <http://ura.ru/content/rating/25-09-2014/articles/1036263040.html> (дата обращения: 11.05.2015).

SINGLE VOTING DAY OF 2014 IN THE REGIONAL ELECTORAL BIOGRAPHY

К.А. Antonov

Research Center for Public Policy
and Public Administration
Siberian Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
Novosibirsk

101tv@mail.ru

The governor's elections, which took place on September 14, 2014, need to be fully analyzed. The author has included such variables into the analysis as: the voter turnout, the municipal filter, the federal socio-political context, "the leadership dilemma" and "the elite consensus", the formation and existence of the party system. The voter turnout is an important indicator of people's reaction to the prevailing electoral design. Attempts to explain the motives of the voters and the voting results are also in need of a comprehensive review, the scope of which is traditionally defined by three areas of theoretical studies of electoral behavior: sociological, socio-psychological and instrumentally-rational. The synthesis of these and other approaches, that can eliminate their shortcomings and contradictions between the "universal" and "specific", is to date an adequate theoretical and methodological matrix. In fact, the first experience of party coalition formation in the last elections of governors also needs understanding. The basis of such a coalition consensus is not the similarity of the related ideological positions, but institutional conditions of modern Russia's political system, where corporate and bureaucratic factors come to the forefront instead of ideological demarcation. Another innovation - Municipal Filter - presents the problem of the systematic, daily work of grassroots, creating a dense network of offices, the mobilization of supporters. Despite the problems identified during the last election campaign, we can assert that Russia, with all the contradictions revealed, has taken another step towards the improvement of democratic procedures.

Keywords: a single day of voting, the voter turnout, the municipal filter, party coalitions, the consensus of elites, electoral campaign.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-30-38

References

1. Kunev A.V., Lyubarev A.E., Maksimov A.N. Rezul'taty izbiratel'noi kampanii–2014: tendentsii i zakonomernosti: analiticheskii doklad № 5 po dolgosrochnomu nablyudeniuyu vy-borov 14.09.2014 [Results of the election campaign in 2014: trends and patterns: an analytical report number 5 on the long-term observation of elections 14.09.2014. *Komitet grazhdan-skikh initsiativ* [Committee of Civil Initiatives]. Moscow, 2014. 40 p. Available at: http://www.scribd.com/fullscreen/240918952?access_

[key=keySHsCR13AyMEcNYOQktgi&allow_share=true&escape=false&show_recommendations=false&view_mode=scroll](http://www.scribd.com/fullscreen/240918952?access_key=keySHsCR13AyMEcNYOQktgi&allow_share=true&escape=false&show_recommendations=false&view_mode=scroll) (accessed 11.05.2015) (In Russian)

2. Anokhina N.V., Meleshkina E.Yu. Ito-gi golosovaniya i elektoral'noe povedenie [The results of the voting and voting behavior]. *Vto-roj elektoral'nyi tsikel v Rossii (1999–2000)* [The second electoral cycle in Russia (1999–2000)]. Moscow, Ves' mir Publ., 2002, pp. 158–185.

3. Vozmozhnye rezul'taty prezidentskikh i parlamentskikh vyborov: opros 22–25 avgus-

ta 2014 g. [Possible results of the presidential and parliamentary elections: the survey of 22–25 August 2014]. *Levada-tsentr: analiticheskii tsentr Yuriya Levady: press-vypusk* [Levada Center: press release]. 2014, 11 September. Available at: <http://www.levada.ru/11-09-2014/vozmozhnye-rezultaty-prezidentskikh-i-parlamentskikh-vyborov> (accessed 11.05.2015) (In Russian)

4. Gel'man V.Ya. Vtoroi elektoral'nyi tsikl i transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii [The second electoral cycle and the transformation of the political regime in Russia]. *Vtoroi elektoral'nyi tsikl v Rossii (1999–2000)* [The second electoral cycle in Russia (1999–2000)]. Moscow, 2002, pp. 10–43.

5. Bashlykova N., Kazakov I. Gubernatorov podvelo dosrochnoe golosovanie [Governors made a mistake with the early voting]. *Izvestiya*, 2014, 24 September. (In Russian)

6. Kalmykov A.A. [Epistemology policy – kognitivny all countries, unite!]. *Rossiiskaya politika XXI veka: nepoliticheskii potentsial politicheskogo: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 23–24 aprelya 2009 g.* [The Russian policy of the XXI century: non-political political potential: Materials International Conference, April 23–24, 2009]. Moscow, RGGU Publ., 2009, pt. 1, pp. 16–25.

7. Posle togo, kak gubernator perestanet metat'sya i poidet na vybory – problemy regiona zakonchatsya [After the governor stop rushing and go to the polls – the problem region's end: the forecast of the main trend setter Kremlin]. *URA.ru: Russian news agency: News Service*. web-site. 2014, 25 September. Available at: <http://ura.ru/content/rating/25-09-2014/articles/1036263040.html> (accessed 11.05.2015)